

<https://7i.7iskusstv.com/y2020/nomer4/golubovsky/>

Голубовский М. Жорес Медведев – биолог, публицист, первый историк трагедии генетики в СССР // Семь Искусств: наука, культура, словесность: [журн. в сетевом и бумажном вариантах.]. – 2020. – № 4 (120), декабрь. – [сетевая версия] URL: <https://7i.7iskusstv.com/y2020/nomer4/golubovsky/> (дата обращения 13.05.25).

 7i.7iskusstv.com/y2020/nomer4/golubovsky/

Научная публицистика и социальная активность Медведева не были диссидентством в смысле требования изменений конституции или законов страны. Но лишь твердое желание поставить закон между гражданином и государством. Однако, естественный призыв к советской власти выполнять свои же законы рассматривался партократией как преступление.

Михаил Голубовский

ЖОРЕС МЕДВЕДЕВ — БИОЛОГ, ПУБЛИЦИСТ, ПЕРВЫЙ ИСТОРИК ТРАГЕДИИ ГЕНЕТИКИ В СССР

Биолог Жорес Александрович Медведев ушел из жизни 15 ноября 2018 г. в возрасте 93-х лет. Из них 47 лет он прожил в СССР, а вторую половину — в эмиграции в Англии. Исследования Медведева относятся к разным разделам биологии: биохимия развития и старения, генетика, геронтология, радиобиология. Яркие таланты ученого проявились и в истории науки, ее популяризации, научно-исторической публицистике. Ученый стал признанным экспертом в области советологии и политологии. Возникла совершенно уникальная ситуация. Многие опубликованные изыскания в этой области Жорес Медведев публиковал в тесном содружестве со своим братом — идентичным близнецом Роем Медведевым, профессиональным историком, который оставался жить в Москве. После того, как Ж. Медведева лишили гражданства, братья хотя и были в постоянном эпистолярном контакте, но встретились лишь спустя 16 лет после вынужденной разлуки. Говоря на языке генетики, сложные социальные события оценивались лицами одного и того же генотипа, но жившими в разных мирах. Тем самым описания и оценки сложных социальных событий приобретали особую

достоверность и убедительность.

Медведев оставался творчески активным до последнего дня жизни. За месяц до кончины он написал заказанный ему отзыв на книгу авторитетного английского журналиста Марка Урбана о громком и запутанном деле об отравлении Скрипалей. Это был не просто отзыв, а рецензия–исследование. Критически сопоставлялись данные из разных источников. Таков был стиль Медведева. Тон его последнего присланного мне письма с копией этого отзыва был тревожный: «Привет из Лондона! События в мире совсем плохие, везде убийства, и мой последний очерк, здесь посылаемый, тоже из этой серии».

В 2010 г. в возрасте 85-и лет Жорес Медведев начал писать подробные, год за годом документированные воспоминания и размышления о своей научной жизни, рассказы о встречах с учеными и политическими деятелями самого высокого ранга, с которыми ему довелось общаться. А также с описанием и анализом турбулентных социальных событий в мире, свидетелем которых был. Общее название воспоминаний — «Опасная профессия». Они были закончены в декабре 2017 года, охватывая около шести десятилетий и состоя из 115 (!) хорошо иллюстрированных глав. Последняя глава касается событий 2010 года. Каждую из глав после написания автор посылал для замечаний знакомым биологам и историкам (мне довелось быть в их числе). Основной корпус воспоминаний публиковался в интернетном еженедельнике «2000.ua» в Киеве (www.2000.net.ua). Избранные главы выходили в разных журналах (Медведев, 2011) и в издательстве «Права человека». В 2019 г. они были опубликованы отдельной книгой. Воспоминания Медведева поражают удивительной для его возраста энергетикой стиля, ясностью оценок, панорамой и обилием малоизвестных персональных деталей. Я выделю здесь две группы изысканий Жореса Александровича, которые получили мировой отклик и известность. Первая — историко-научный анализ трагедии советской биологии, связанной с безграничной монополией агронома Лысенко (особенно после сессии ВАСХНИЛ августа 1948 г.), которого всегда поддерживали Сталин и Хрущев. Сейчас опубликованы десятки книг и сотни статей на данную тему (Колчинский, 2018). Но научно-историческое изыскание Жореса Медведева было в этой области первым, всесторонним и документированным. Оно актуально до сих пор, хотя было опубликовано в России (с примечаниями 1966–1967 гг.) лишь в 1993 г., спустя 30 лет после написания.

В 1969 г. в США в издательстве Колумбийского университета вышла книга Жореса Медведева «The fall and rise of T.D. Lysenko» («Взлет и падение Лысенко»). Основной корпус книги был написан в 1961–1962 г. Рукопись под названием «Биологическая наука и культ личности» резко осудили в парткоме Тимирязевской академии. Клевреты Лысенко в открытой печати назвали исследование ученого «идеологической диверсией». Медведеву пришлось уйти из Тимирязевки, где он проработал более 15-и лет. Однако, его дополненная рукопись в рамках самиздата широко распространилась в научном и культурном сообществе СССР. Она прорвала и железный занавес. Английский перевод книги поведал миру, как в СССР, который возгласил построение нового общества на основе науки («научный социализм»), произошел погром ряда ее важных областей — генетики, цитологии, теории эволюции и селекции и сопредельных с ними ветвей.

Были не только остановлены свободные исследования в этих разделах науки, но подверглись гонениям, репрессиям и погибли многие их творцы. В 1940 г. был арестован и спустя три года замучен в тюрьме Саратова гениальный биолог-растениевод Николай Иванович Вавилов, автор всемирно известной концепции гомологических рядов в наследственной изменчивости, учения о центрах происхождения культурных растений и создатель их мировой коллекции. В том же 1940 г. травля главы московской школы эволюционной генетики профессора Николая Константиновича Кольцова привела его к смерти. Медведев первый поведал миру об этой трагедии на основе документов, рассказов и свидетельств очевидцев и соратников. «Последняя экспедиция и арест Н.И. Вавилова». «Аресты ближайших сотрудников Вавилова», «Следствие, суд и приговор «по делу» Вавилова».

Профессор-цитолог В.Я. Александров (1906–1995), современник тех событий и автор книги «Трудные годы советской биологии» (1993 г.), справедливо отметил, что Медведев впервые ясно показал, «какими преступными методами — ложью, фальсификацией и демагогией — пользовались Лысенко, Презент и их приспешники для сокрушения своих научных оппонентов, как в эту борьбу вовлекались карательные органы». Всесторонне документированные сведения о масштабах погрома и репрессий в биологии оказались подлинным потрясением и для научного и гуманитарного сообщества в СССР, и на Западе (термин условный). Множество людей просто не ведало об этом или не делало различий между сладкими лозунгами коммунистической утопии и страшной реальностью сталинизма и партократии. Более 50 лет книга Медведева цитируется как пионерская во всех авторитетных сводках по истории советской биологии и при обсуждении социальных и институциональных проблем науки (власть и наука, псевдоучения). А.И. Солженицын, прочтя рукопись Жореса Медведева, написал ему в 1964 году: *«За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала как эта Ваша»*. Солженицын затем приехал в Обнинск и остановился на несколько дней в доме Медведева. Социальное значение книги Медведева можно сопоставить с вышедшим несколько лет спустя документально-художественным исследованием «Архипелаг Гулаг». самого Солженицына Оба автора проявили смелость и гражданское мужество, выдержали гонения, высылку из страны, лишение гражданства.

Психиатрическое насилие

После публикации в 1969 г. в США своей книги Жорес Александрович претерпел насильственное заключение в психбольницу (с 29 мая по 17 июня 1970 г.). Это незаконное деяние властей (вернее злодеяние) вызвало буквально взрыв протестов научно-культурной элиты в СССР и за его пределами. Рой Медведев возглавил протестную кампанию. На вопрос Роя Медведева, на каких основаниях его брат-близнец был признан больным, главврач А. Лившиц ответил, что после чтения рукописи «Биологическая наука и культ личности» у него возникли сомнения, что эту работу мог написать здоровый человек. Ясно, куда тянулись нити, которые определяли слова и действия марионеточного врача. Через неделю карательного

содержания в «психушке» Лившиц угрожал Жоресу Медведеву: «Вы должны полностью прекратить занятия публицистикой и сосредоточить внимание на экспериментальной работе. Если же продолжите эту деятельность, вы неизбежно снова попадете к нам».

Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров академик Борис Львович Астауров первым сразу же поехал в Калужскую психбольницу навестить Медведева и встретиться с главврачом. Затем в больницу приезжали академик А.Д. Сахаров, московские биологи доктора наук А.И. Атабекова и А.А. Нейфах, писатели А.Т. Твардовский, В.Ф. Тендряков, В.А. Каверин. Сахаров послал открытое протестное письмо в ЦК КПСС на имя Брежнева. Оно заканчивалось призывом к Брежневу вмешаться: *«Я не могу поверить, что такое вопиющее беззаконие может быть санкционировано высшей властью»*. Протесты выразили академики П.Л. Капица, И.Е. Тамм, М.А. Леонтович, В.А. Энгельгардт, ленинградские биологи В.Я. Александров, В.С. Кирпичников, кинорежиссер М.И. Ромм, писатели Д.А. Гранин и М. Поповский, группа старых большевиков.

Сильное впечатление произвело открытое письмо–обращение Солженицына от 15 июня 1970 г., названное «Вот как мы живем»:

«Это может случиться с любым из нас, а вот произошло с Жоресом Медведевым — ученым-генетиком и публицистом, человеком гибкого, точного, блестящего интеллекта и доброй души (лично знаю его бескорыстную помощь безвестным, погибающим больным). Именно разнообразие его дарований вменено ему в ненормальность... Раз думаешь не так, как ПОЛОЖЕНО, значит ты ненормальный... Да если бы это первый случай! Но она в моду входит, кривая расправы без поиска вины, когда стыдно причину назвать.. Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем — и то мы клянем палачей второе столетие... Захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть ДУХОВНОЕ УБИЙСТВО, это вариант ГАЗОВОЙ КАМЕРЫ, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней» — (выделено А.С.).

Жорес Медведев (слева) и Даниил Гранин (справа). Лондон 2005 г

В том же 1970 г. братья Медведевы написали книгу-репортаж «Кто сумасшедший», где детально, буквально по дням и часам документировали незаконную акцию властей и послушных им сервильных психиатров. Описаны протесты известных ученых и писателей внутри страны и за ее пределами, которые вынудили власти остановить беззаконие. Книга вышла на английском в 1971 г. (опубликована в России лишь в 2012 г.). Вскоре Международная ассоциация психиатров осудила

практику использования в СССР психиатрии в политических целях (сходное насилие испытали многие диссиденты П. Григоренко, В. Буковский, Н. Горбаневская, В. Фейнберг, Л. Плющ и др.).

Я заглянул в интернет, нет ли сведений о дальнейшей судьбе психиатра А. Лифшица. Есть! На сайте калужского ежемесячного журнала «Жить хорошо» в номере от 24 июля 2015 г. опубликовано интервью с ним под названием: «Александр Лившиц. Научиться понимать себя». (jhorosho.ru). Интервью посвящено 50-летию его работы главврачом Калужской психбольницы. Цитирую начало статьи: «Он попал в Калугу случайно и за полвека стал здесь местной легендой, человеком, без которого город немислим, так же как без Циолковского и Гостиных рядов. Его фамилию знают все калужане, включая тех, кого душевное здоровье не беспокоит». Ну что ж, счастливый конец истории.

Об атомных катастрофах

Вторая группа научно-социальных изысканий Медведева, выполненных уже в эмиграции и получившая мировой резонанс — раскрытие тайны, масштабов и истинных причин атомной аварии на южном Урале — самой крупной атомной катастрофы в мире до Чернобыля и Фукуямы. Катастрофа произошла в 1957 г. на секретном комбинате «Маяк» по производству плутония в Челябинской области («Кыштымская атомная авария» в статьях википедии). Российские власти признали эту катастрофу лишь 32 года спустя, в 1989 г. Зона заражения, ставшая непригодной для проживания, охватила огромную площадь и получила название Восточно-Уральский радиоактивный след. Этот «след» имеет около 300 км в длину и 10 км шириной. В районе было 25 тыс. га пахотных земель и проживало более 250 000 человек. Около 5000 человек вскоре отселили из-за сверхвысокого полупелетального уровня радиации. Масштабы аварии и ее последствия оставались мало известны миру и не осознавались.

В конце 1970-х Медведев на основе совокупности косвенных данных и собранных свидетельств очевидцев пришел к выводу, что причиной аварии стал взрыв в хранилище ядерных отходов атомного комбината «Маяк». Парадоксально, но этот вывод поначалу резко отвергли как невозможный и невероятный ведущие авторитеты в ядерной физике Великобритании и США (например, Эдвард Теллер в лаборатории Лос-Аламоса). Они полагали, что произошло, видимо, неудачное испытание ядерного оружия. Ученый пишет, что в американской прессе его называли даже сумасбродом (*scraw—ball*). Недоверие имело и очевидные социальные причины. Ибо вывод Медведева повышал озабоченность общества об опасностях атомной энергетики и трудных нерешенных и экономически дорогих проблемах хранения радиоактивных отходов.

В серии публичных выступлений в Англии и в США Медведев достойно выдерживал скепсис и недоверие экспертов. Однако уже подготовленную им книгу под названием «Nuclear disaster in Ural», в которой были суммированы собранные им доказательства, отказывались печатать. И это вопреки признанному научному и моральному авторитету автора! Лишь после неожиданной аварии на атомной станции «*Three Mile Island*» в Пенсильвании 28 марта 1979 г., задержанную книгу

Медведева сразу же напечатали.

Один из мемуарных очерков Медведева назван так: «Атомный проект СССР: те, о ком никто не оставил воспоминаний». Рассказано о крупной катастрофе в ходе атомного проекта СССР по производству атомных бомб. 20 января 1949 г. расплавилась часть урановых блоков первого уранового реактора. Он был запущен на полную мощность в 1948 г. Для ликвидации аварии требовалось полностью разобрать реактор, извлечь из него 39 тыс. урановых блоков и перегрузить 150 тонн урана в новые более устойчивые блоки. Работы можно было выполнять лишь вручную. Урановые блоки имели колоссальную радиоактивность. Требовались тысячи рабочих, смертельное облучение которых было неизбежно. Медведев цитирует слова руководителя атомного проекта Игоря Курчатова, о предстоявшем выборе — «либо сберечь людей, либо спасти урановую загрузку и сократить потери в наработке плутония. Было принято второе решение». Смертельные операции по выемки труб из атомного пекла выполняли тысячи заключенных. Работа шла круглосуточно, сменами по 6 часов и заняла 34 дня. Такой ценой «план» был выполнен.

В трех солидных документальных томах «Атомный проект в СССР», изданных в 1999 г., Медведев пытался найти «хоть крупинцы сведений» о дальнейшей судьбе тысяч заключенных, которые вручную выполняли перезагрузку, получая летальную дозу за одну-две смены работы. Вокруг «объекта» находилось несколько концлагерей, где содержались в основном репатриированные из Германии советские граждане, а также подразделения военных строителей. Родственники этих людей оставались в полном неведении об их участи, никто из близких не знал их адресов: у них не было права на переписку. Больниц, где могли бы если не лечить обреченных, то хотя бы смягчить их страдания, в то время не было. Воспоминаний о тысячах обреченных никто не оставил.

Контурь биографии.

Идентичные близнецы Медведевы родились в Тбилиси 14 ноября 1925 г. в русско-еврейской семье.

Их отец, Александр Романович Медведев (1899–1941), был полковым комиссаром в армии. Мама, Юлия Исааковна (урожд. Рейман), была виолончелисткой. В 1926 г. отец стал слушателем Военно-политической академии в Москве. Затем там же преподавал философию. Он был библиофилом, много читал, библиотека насчитывала около 4000 томов. Любовь к чтению Александр Медведев передал своим сыновьям. В 1938 году в период вакханалии массовых сталинских

Жорес Медведев (слева) и Рой Медведев (справа).

репрессий отец ночью на глазах сыновей, был арестован. Он умер в колымских лагерях в 1941 г.

Семья Медведевых после ареста в одночасье была выселена из казенной квартиры прямо на улицу. Приют им дали родственники матери — сначала в Ленинграде, а затем в Ростове на Дону. Начавшаяся война быстро подошла к Ростову. Семья успела эвакуироваться в Тбилиси. Жорес Медведев в феврале 1943 г. был призван в армию, участвовал в боях на Таманском полуострове. Был тяжело ранен и в конце 1943 года после лечения демобилизован.

В 1944 г. он поступил в Тимирязевскую академию на кафедру известного ботаника, знатока культурных растений и сподвижника Вавилова Петра Михайловича Жуковского. Замечательный курс лекций Жуковского об истории селекции культурных растений мне довелось слушать в 1962 году в Ленинградском университете. Казалось, каждый культурный вид его любимый. Медведев еще в студенческие годы, работая под руководством Жуковского, опубликовал две статьи по биохимии полового диморфизма у растений. Но прошла сессия ВАСХНИЛ 1948 г., и сразу началось властное воцарение «мичуринской биологии». Последовали перестройка биологического преподавания, гонения на биологов, оппонировавших ранее взглядам и учению Лысенко.

Жуковский и зав. кафедры генетики Тимирязевки А.Р. Жебрак в ходе заседаний сессии ВАСХНИЛ сначала отстаивали классическую или мировую генетику. Но Лысенко ясно заявил, что его итоговый доклад одобрен ЦК партии. Много позднее историки выяснили, что сам Сталин редактировал доклад (Есаков 1994; Россиянов 1993;). Оба профессора, будучи членами партии, вынуждены были покаяться и выразить верность партийной линии. Компартия к тому времени приобрела многие черты мафии. А выход из мафии подобен «волчьему билету» и сразу опускал в социальные низы. После вынужденного покаяния Жуковский наедине со своим любимым учеником со слезами на глазах признался: «Я заключил с Лысенко Брестский мир... Поганый мир... Я сделал это ради моих учеников».

Жорес Медведев решил перейти на удаленную от епархии Лысенко кафедру агрохимии. Он продлил обучение на год, упорно работал и к получению диплома сумел, не афишируя, подготовить и кандидатскую диссертацию. Защита прошла успешно в 1950 г. в Институте физиологии растений. Это был уникальный случай в истории Тимирязевки, когда ее выпускник одновременно представлял и диплом, и кандидатскую диссертацию.

Работая на кафедре агрохимии и биохимии растений, Медведев подготовил пионерскую монографию по синтезу белков в связи с проблемами наследственности, развития и старения. Книга рассматривала новейшие в то время открытия роли ДНК, анализ генетического кода и биосинтеза белков, роль мутаций в процессах развития. Рукопись одобрили рецензенты. Но Медведев включил одну главу с критикой взглядов Лысенко, отрицавшего наследственные молекулы, роль хромосом и генов. В рамках медицинского издательства удалось опубликовать книгу. Но распространение тиража было остановлено идеологами ЦК после доноса. Потребовали убрать главу с критикой «мичуринской генетики», пролысенковские идеологи-церберы стояли на страже. В конце концов решение опубликовать книгу принималось на высшем уровне президента АН СССР и ЦК партии. Пришлось

пойти на компромисс. Медведев передал рукопись в Англию, где она была позитивно оценена и опубликована в 1964 г. Несомненный успех ученого. В конце 1962 года после вынужденного ухода из Тимирязевки и поисков работы Медведев был принят в организуемый в Обнинске в составе Института медицинской радиологии (ИМР) Отдел радиационной генетики и радиобиологии. Там он создает лабораторию молекулярной радиобиологии. Тема исследований: сравнительный генетический и молекулярный анализ нормального и радиационного старения. Проверялась популярная в это время теория накопления соматических мутаций в клетках тканей и органов, как главная причина старения. Заведовал институтом профессор Георгий Артемьевич Зедгенидзе, академик АМН СССР и генерал медицинской службы. Ранее он был начальником кафедры радиологии Военно-медицинской академии в Ленинграде. Зедгенидзе привык решать проблемы быстро и самостоятельно.

На должность руководителя создаваемого отдела Зедгенидзе с большим трудом «пробил» принятие на работу из Свердловска Николая Владимировича (Н.В.) Тимофеева-Ресовского — биолога с мировым именем, классика радиационной генетики. Драматичная жизнь и судьба Н.В. ныне хорошо известна по повести «Зубр» Даниила Гранина и ряду научных биографий. Кандидатура Тимофеева-Ресовского долго утверждалась. Н.В. еще не был полностью реабилитирован (это произошло лишь в 1992 г). Обнинск — режимный атомный город, и все институты, кроме вновь создаваемого ИМР, были секретными. Власти опасались того, что имя Тимофеева-Ресовского будет привлекать в Обнинск и научную молодежь и иностранцев (так и произошло).

Возникла и другая формальная типично советская трудность. Чтобы зав. отделом мог получать достойную зарплату, надо было иметь ученую степень. Еще в конце 1957 г. объединенный ученый совет двух академических институтов в Ленинграде единогласно присудил Н.В. ученую степень доктора наук *honoris causa*. Но ВАК, где в секции биологии доминировал лысенковский клан, «зарубил» решение, ссылаясь на отклонения от регламента. Тогда в январе 1963 г. Н.В. защитил по совокупности работ докторскую диссертацию по радиационной биоценологии. Опять все застряло в ВАКе — туда пришел донос о политической неблагонадежности ученого. Только после снятия Хрущева 14 октября 1964 г. ВАК утвердил решение. До этого ученый с мировым именем получал зарплату младшего научного сотрудника без ученой степени — около ста рублей в месяц.

Тимофеев-Ресовский и Жорес Медведев

С приездом Тимофеева-Ресовского его отдел действительно стал притягательным центром для радиобиологов и генетиков страны. Н.В. проводил также летние неформальные научные молодежные семинары («трепы») на Можайском море. Кроме того, с 1967 на квартире Н.В. проходили субботние встречи научной молодежи для бесед («любители для любителей», по словам Н.В.) о живописи, музыке, поэзии и на общенаучные темы. Между Медведевым и Тимофеевым-Ресовским сразу установились особо доверительные отношения. Н.В. высоко ценил антилысенковскую книгу Медведева, говоря, что автор достоин за нее ученой

степени и как историк. Сам Н.В. обычно избегал открытые дискуссии на социальные темы, он «уважал начальство», следуя принципу «кесарю кесарево». Однако, он ценил публицистические изыскания Медведева, где анализировались незаконная тайная цензура, задержка и пропажа посылаемых или получаемых из-за рубежа писем, статей и книг. А также недостойные и произвольные отказы в поездках советских ученых за рубеж на симпозиумы и совместные исследования. Это изолировало советскую науку, сдерживало ее развитие.

В полной мере этот произвол касался и Тимофеева-Ресовского. В августе 1965 г. в Чехословакии проводился международный симпозиум, посвященный 100-летию открытия законов Менделя. Крупные генетики и среди них Тимофеев-Ресовский были награждены золотой Медалью Менделя и получили приглашения на поездку. Н.В. мало верил, что удастся поехать. Но привлекало искушение увидеть знакомых европейских коллег и друзей — генетиков. Н.В. уговорили начать оформление, ибо из международного отдела АМН пришло письмо директору с просьбой подготовить «выездные дела» для Н.В. и его жены Елены Александровны, она имела кандидатскую степень и работала в том же институте. Медведева попросили помочь им заполнить подробные выездные анкеты. Вспоминая об этом, он приводит уже забытый за давностью лет и кажущийся сейчас бредовым список анкетных вопросов, необходимых даже для кратковременного выезда за «железный занавес». Нужно было перечислить всех близких родственников, живых и покойных, родителей, детей, братьев и сестер. Указать, когда и где родился, когда и где умер, кем работал и последний адрес каждого. Следовало назвать все собственные места и даты работы. Была ли судимость, и если была, то по какой статье? Был ли за границей, даты, с какой целью? Есть ли родственники за границей, где живут, когда уехали? Жили ли на оккупированной территории? Если жили, чем занимались? (и это двадцать лет спустя окончания войны!). Есть ли репрессированные родственники, по какой статье? У Тимофеева-Ресовского были репрессированы два брата, у Елены Александровны брат и две сестры. Их старший сын был репрессирован, но уже в Германии как антифашист.

Медведеву нередко пришлось выслушивать взрывные реплики Н.В. об этой «дурацкой» системе, по сравнению с поездками за рубеж в дореволюционной России и «цивилизованных» странах». Н.В. приходил порой в гневное состояние и громил своим могучим басом всю эту канитель. Но все же стал готовить два больших доклада. Тексты их Н.В. прямо по-английски начисто диктовал Елене Александровне. Эта его совершенно удивительная способность поражала Медведева. Спустя десятилетия жизни в Англии и общаясь с учеными разных стран, он пишет: *«Сейчас я уже понимаю, что действительно равных Тимофееву-Ресовскому по способности сжатой, логичной, яркой устной презентации научных данных и идей не было, наверное, во всем мире. Его лекции были искусством»*. Увы, как и предвидел Н.В. в самый последний момент разрешение на поездку в «братскую Чехословакию» не было дано. Унизительно и оскорбительно для Н.В. было и то, что в рамках научного туризма на симпозиум поехали около 100 человек, включая и Медведева.

В декабре 1965 г. Н.В. получил письмо из Национальной академии наук США о

награждении его Кимберовской золотой медалью с премией в 2000 долларов и оплаченным проездом в США в апреле 1966 г. для вручения премии. В письме говорилось:

«Эта Премия выражает высокое уважение Ваших американских коллег к выдающимся достижениям в генетике за исследования в течении жизни... Ваши выдающиеся научные исследования обеспечили Вам место в прославленном ряду Чальза Дарвина, Грегора Менделя, Уильяма Бэтсона и Томаса Моргана, чьи изображения находятся на Медали Кимберовской премии. Ваше личное вдохновение и усилия также вовлекли в генетику выдающихся младших ученых как Макс Дельбрюк, которого мы горды числить членом Национальной Академии Наук США».

Письмо было послано и в АН СССР. Н.В. попросил Жореса Медведева помочь прояснить ситуацию. Удалось выяснить, что письмо попало в Академию меднаук. Там решили ничего не отвечать. Однако затем Н.В. вместе с директором института вызвали для беседы в АМН. Президент Н.Н. Блохин сухо заявил, что «по мнению авторитетных инстанций присуждение премии Тимофееву-Ресовскому является провокацией американцев» и рекомендовал отказаться от премии. Н.В. гневно отверг рекомендацию.

Создалась тупиковая ситуация. Тогда у Медведева и его коллеги известного радиобиолога В.И. Корогодина (зав. лабораторией из этого же Отдела) возник замысел напечатать известие о присуждении Н.В. Кимберовской премии в журнале «Генетика». Редактор журнала П.М. Жуковский поддержал идею. Этот номер «Генетики» был послан в США. После чего Н.В. вновь послали приглашение приехать в США или же организовать вручение премии в Москве. Н.В. выбрал второй вариант.

Вот как это произошло. В конце марта 1967 г. в Москву для официальных переговоров о сотрудничестве академий наук США и СССР приехала делегация во главе с советником президента по науке Джорджем Кистяковским. Георгий Богданович Кистяковский родился в 1890 г. в Киеве в профессорской семье. У него рано проявился интерес к химии под влиянием своего дяди В.А. Кистяковского, профессора физхимии в Московском университете. После участия в гражданской войне и эмиграции из России в составе армии Врангеля, Кистяковский в 1920 г. попал в Берлин, кончил там за три года университет и получил стипендию для продолжения исследований в области физхимии и катализа в США. Далее — успешные исследования в Принстоне и на кафедре химии в Гарвардском университете. Во время войны Кистяковский работал в составе Манхеттенского атомного проекта в Лос-Аламосе. В конце 1950-х, Кистяковский, будучи профессором Гарварда, по приглашению президента Эйзенхауэра возглавил созданный Консультативный комитет по вопросам науки. От его распоряжений зависело, какие программы финансировать, а каким отказать. Ученый сохранил этот важный пост и при Кеннеди и Джонсоне. В Москве его принимал президент АН СССР М.В. Келдыш. В ходе переговоров Кистяковский известил, что привез кимберовскую медаль Тимофееву-Ресовскому. Об этом ни Келдыш, ни Блохин не

знали заранее и не могли бойкотировать эту часть официального визита. Вручение премии переходило на уровень дипломатических отношений двух стран. Оно состоялось в торжественной и гласной обстановке в кабинете президента АМН 31 марта 1967 г. На церемонию пришло около 60 человек вместе с приглашенными обнинскими сотрудниками и писателем Владимиром Дудинцевым (он был одним из первых читателей рукописи Медведева). Н.В. после вручения Кистяковским премии произнес ответную речь на английском языке. От генетического общества СССР его поздравила известный цитогенетик А.А. Прокофьева-Бельговская. В «Комсомольской Правде» 1 апреля 1967 появилось сообщение и фото об этом событии.

Казалось, для работы Медведева и всего отдела Тимофеева-Ресовского все складывается хорошо. Но! После интервенции в Чехословакию и подавления «пражской весны» в августе 1968 г. в стране поднимается темная идеологическая волна. Идеологи требуют тотального усиления бдительности и классового воспитания молодежи. На Н.В. посылаются доносы, мол в Обнинске судьбы творческой молодежи отданы реакционеру, который «работал в гитлеровском логове и поддерживал расовую теорию фашизма». Зедгенидзе держит оборону. Однако в конце 1968 г. первый секретарь Калужского обкома КПСС с неудобной фамилией Кондрёнков, локальный всесильный временщик, требует от директора увольнения Н.В. В январе 1969 г он послал в ЦК партии донос: «...Тимофеев-Ресовский пытался проводить в публичных высказываниях чуждые нам взгляды. Он поддерживал связь с писателем Солженицыным, с которым находился на идейно близких позициях. В настоящее время решается вопрос о его дальнейшей работе в институте». Н.В. пришлось подать заявление о выходе на пенсию с августа 1969 г. Одновременно был уволен и Жорес Медведев, а вскоре весь отдел распался. Тимофеев-Ресовский тяжело воспринимал это крушение и горький удар в своем отечестве.

В это время в конце 1969 г. пришло и одно радостное известие. Американский генетик Макс Дельбрюк, ученик Тимофеева-Ресовского во время его работы в Германии и соавтор известной статьи 1935 г. о природе гена, положившей начало молекулярной генетики, получил Нобелевскую премию. Дельбрюк решил поехать в Стокгольм с остановкой в Москве, чтобы встретиться с Н.В. президент академии Келдыш устроил ему прием, предложив посетить некоторые биологические институты. Но нобелевский лауреат известил о своей главной цели приезда в Москву — встретиться со своим учителем. Ни Келдыш, ни Дельбрюк не знали, что Н.В. совсем недавно уволен и отдела более нет. В Академии меднаук об этом знали и предложили привезти Тимофеева-Ресовского в Москву для встречи в Институте медицинской генетики. Дельбрюк отказался, настаивая на желании приватно повидать Н.В. и его жену в их доме и просил лишь сообщить его телефон. Американскому немцу все казалось очень просто, с иронией пишет Медведев. Далее события развивались в жанре детектива. 1 декабря 1969 г. в Обнинске Н.В. позвонил Медведеву и попросил срочно зайти к нему домой, не объяснив причины. Дома он сходу сказал, что Дельбрюк в Москве, хотел приехать в Обнинск, но ему не удается. Иностранцам запрещено выезжать из Москвы дальше, чем на 50 км., а в Обнинск нельзя приехать без разрешения и сопровождения. «*Что же нам делать?*»,

— в растерянности спросил Н.В. : « *Лелька* (так в кругу близких лиц он ласково называл свою жену- М.Г) *болеет, у нее плохо с ногами, в Москву ехать мы не можем*». Медведев немедленно стал действовать, тут же поехав в Москву. Его план состоял в том, чтобы на следующий день в 7 часов утра тайно встретиться с Дельбрюком, сесть на калужскую электричку, привезти в Обнинск и вернуться в Москву в тот же день вечером.

Приехав в Москву, Медведев зашел через ресторан в холл гостиницы «Метрополь», где остановился американец. По-английски он попросил соединить его с приехавшим из Москвы профессором Дельбрюком. Они зашли в кафе на втором этаже. Имя Медведева было известно Дельбрюку по вышедшей в США книге, и он все понял. Ему следовало завтра в семь утра выйти из гостиницы, повернуть за угол и встретить там Медведева. Затем они спустятся в метро, доедут до киевского вокзала и сядут в электричку. Медведев посоветовал купить шапку -ушанку в магазине «Метрополя», чтобы не привлекать внимания. План сработал. Около 10 утра Дельбрюк был уже на квартире у Н.В. В тот же вечер в сопровождении Медведева он вернулся в Москву. Дельбрюк был рад свиданию перед нобелевской лекцией со своим учителем, спустя 30 лет после их последней встречи в 1939 г. в Эдинбурге на Генетическом конгрессе. В то же время он был весьма удручен горестным состоянием уволенного Тимофеева-Ресовского, сверхскромными условиями жизни (низкая пенсия и «хрущевка» с низкими потолками).

А в Москве уже был переполох — куда исчез Нобелевский лауреат? Не раз звонили из АН и посольства США. На следующий день Дельбрюк на всех встречах говорил о том, чтобы советские академики и научное сообщество помогли выдающемуся генетику. От банкетов и приемов он отказался и 4 декабря вылетел в Стокгольм. Видимо, эта гласная реакция нобелевского лауреата косвенно помогла. В конце декабря академик Олег Георгиевич Газенко (1918-2007), директор Института медико-генетических проблем в Москве (уже вне сферы Калужского обкома) своим волевым решением принял Н.В. на работу научным консультантом, несмотря на возражения кадровика из «органов».

Научная публицистика и социальная активность Медведева не были диссидентством в смысле требования изменений конституции или законов страны. Но лишь твердое желание поставить закон между гражданином и государством. Однако, естественный призыв к советской власти выполнять свои же законы рассматривался партократией как преступление. Когда акция карательной медицины в отношении Медведева сорвалась, применили другой, разработанный главой КГБ Андроповым, прием. Ученого временно трудоустроили и разрешили выезд по научному приглашению в Англию на год. В январе 1973 г. Медведев вместе с женой Маргаритой Николаевной и младшим сыном Димой выехали в Лондон по приглашению Центра медицинских исследований. А в июле 1973 г. он был лишен советского гражданства, которое вернули лишь во время перестройки указом Президента Горбачева в августе 1990 г.

В Лондоне Медведев получил позицию в Центре медицинских исследований для исследований по молекулярной геронтологии. Там он проработал до выхода на пенсию в 1991 г. Затем он один и совместно с Роем Медведевым написал множество публицистических статей и ряд книг в области советской истории и

Время, общество и главная книга «Взлет и падение Лысенко»

Итак, на русском языке книга «Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929-1966)» вышла в Москве лишь в 1993 г. В книге есть эпиграф-посвящение: *«памяти выдающихся советских ученых, участников событий, описанных в этой книге: Н.И. Вавилова, Д.Н. Прянишникова, Н.К. Кольцова и Д.А. Сабина»*. К этому изданию Медведев, обогащенный опытом научной жизни в Англии и других странах, написал послесловие. Оно начинается горьким историческим экскурсом:

«Прошло почти 25 лет с того времени, когда я заканчивал заключительную часть этой книги, выполняя просьбу академика Н.Н. Семенова, председателя комиссии Академии наук СССР, созданной специально для того, чтобы решить вопрос о публикации этой работы. Особую инициативу в создании такой комиссии проявил Б. Л. Астауров. Комиссия рекомендовала книгу для издания. Но поскольку в 1966 году официально считалось, что эпоха Лысенко в советской биологии уже закончилась и научная истина восторжествовала, автору предложили написать оптимистическое заключение. К истории взлета Лысенко следует добавить его «падение». Однако мой вариант «падения» Лысенко и его «учения» не был признан достаточно оптимистичным. Особенно неприемлимым было в нем то, что явление лысенкоизма рассматривалось как один из симптомов общей болезни всего общества. Среди факторов, способствующих «подъему» Лысенко, были указаны и такие, которые не исчезли и в 1966 году. Это прежде всего цензура и относительная изоляция советской науки. Не исчезли и попытки политического вмешательства в научные исследования. А в последующие годы чисто партийный контроль науки даже усилился».

Иными словами, форточка критики Лысенко на время приоткрылась, но тут же резко захлопнулось. А в 1970 г. ученого насильно и откровенно нагло «упекли в психушку».

Окончательный вариант рукописи, опубликованный в России в 1993 г. включает три раздела. Они были написаны в разное время и в разной обстановке: 1) 1961–1962 гг. — начальная версия в виде статьи на 60-и страницах; 2) 1963–1964 гг. — второй вариант, куда были внесены многие дополнения, сделанные известными биологами и генетиками, свидетелями тех трагических событий; 3) 1965–1967 гг. — третий вариант, с главой о том, как проходило падение Лысенко после снятия Хрущева в октябре 1964 г. («малая октябрьская революция»). Автор, по его признанию, выступает в трех ипостасях: сначала как историк дискуссий в биологии, потом как очевидец и затем как участник событий. В период написания первых двух частей Лысенко занимал монопольные позиции в биологии и пользовался полной поддержкой властей. Критика его положений была фактически запрещена.

«Примерно с 1934 года по октябрь 1964-го, то есть за 30 лет центральная печать не пропустила ни одной серьезной статьи с критикой лысенкоизма. За это же время «Правда», «Известия» опубликовали сотни статей Лысенко и его сторонников с критикой классической биологии и рекламой своих практических предложений, которые в силу особой роли этих газет становились директивами. Сатирический проект введения единомыслия на Руси, предложенный Козьмой Прутковым в 19-веке, стал трагической реальностью в СССР. Но к 1966 г. Лысенко практически исчез из науки, не выдержав свободной дискуссии».

При написании первой версии Медведев-историк кропотливо собирал материал, изучая издававшиеся в СССР библиографические справочники — летописи журнальных и газетных статей. Мало кто пользуется этими летописями, — отмечал ученый. Ему удалось обнаружить малоизвестные, но важные факты в истории репрессий в биологии. Вот один из них. В 1937 г. в «Правде» появилась статья В.Н. Столетова «Против чуждых теорий в агрономии» с демагогическими обвинениями против академика Н.М. Тулайкова (1875–1938), организатора и директора института зернового хозяйства в Саратове. Тулайков ратовал за дифференциацию агроприемов, непригодность лысенковской яровизации в зонах засухи. Медведев находит и анализирует заметки в саратовских газетах. Он описывает, как вслед статье Столетова организовали обсуждение, называя Тулайкова врагом народа, вредителем сельского хозяйства, противником «революционных теорий в агрономии как теория академика Лысенко». Тулайков был другом Вавилова, его многолетним соратником на посту вице-президента ВАСХНИЛ. Он был арестован (в возрасте 62-х лет!) и в 1938 году умер в Беломорском лагере. Столетов же, инициатор травли Тулайкова, резко пошел вверх по номенклатурной лестнице. В 1948 г. — он стал директором Тимирязевской академии (вместо уволенного за критику Лысенко академика Немчинова). Затем он занимал министерские должности и, предчувствуя падение Лысенко, иногда покровительствовал генетикам до снятия Хрущева в 1964 г..

Медведев ярко и афористично описал общую атмосферу времени и стиля «дискуссий»:

«В условиях массовых репрессий тридцатых годов, шпиономании и централизованного разжигания страстей, в условиях лихорадочных поисков «врагов народа» во всех сферах человеческой деятельности любая научная дискуссия имела тенденцию к превращению в борьбу с политическим оттенком. Почти каждая дискуссия трагически кончалась для той стороны, которая была представлена людьми более благородными и интеллигентными, более честными, более склонными опираться в спорах на данные науки. Приклеивание политических ярлыков в тот период было наиболее легким и соблазнительным способом победить противников, которых нельзя было сломить силой научной аргументации, и некоторые становились на этот путь, приводивший часто не только к разгрому, но и к физическому устранению оппонентов».

Книга Медведева носит научно-публицистический характер. В ней нет привычного списка многих источников, которыми автор пользовался при написании. Они остались за кадром. Это сделано в духе социальной обстановки 1961–1962 годов. Дело в том, что в рамках XX и XXII съездов партии Хрущев приходил к власти, объявив борьбу с «культом личности» Сталина (это спущенный сверху партийный эвфемизм). Секретный доклад Хрущева на XX съезде в феврале 1956 года зачитывался во всех парт- комсомольских организациях страны, включая школы. Помню подобное собрание в 1956 г., оканчивая тогда 10-й класс 232-ой школы Ленинграда. Содержание доклада имело оглушительный эффект. Хрущев фактически показал, что «вся история партии, с того времени как Сталин стал во главе ее, была история преступлений, беззаконий, массовых убийств и некомпетентного руководства» (Геллер, Некрич. 2000). XXII съезд партии в октябре 1961 года закрепил десталинизацию. Тело Сталина в ночь после съезда исчезло из мавзолея. Курьезно, но за «вынос тела» съезд проголосовал единогласно после выступления старой большевички Доры Лазуркиной, отсидевшей много лет в лагерях. Она поведала, что накануне ей приснился Ильич, «как живой стоял и сказал, что ему неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии». Ритуально-мистическая сторона советской идеологии ждет своего изучения, замечают историки.

На этой волне десталинизации А. Твардовский, редактор «Нового мира», уговорил Хрущева, склонного к эмоциональным и непредсказуемым деяниям, разрешить опубликовать повесть неизвестного автора «Один день Ивана Денисовича» («Новый мир» 1962. №11). Повесть, помимо ее художественной ценности, имела громадное социальное значение. По отточенному замечанию Геллера и Некрича, впервые подлинность свидетельства жертв была открыто подтверждена их палачами.

Медведев решил описать трагические события в советской биологии как следствие репрессий в годы «культы личности». Его давнее интервью названо «Лысенко выдвинулся на репрессиях против генетиков». (Троицкий вариант, 2018). В 1962 г. редакция «Комсомольской правды» попросила Медведева написать статью о разгроме генетики. Он отнес в редакцию свою рукопись, где типографски размножили 20 экземпляров и разослали ряду академиков для отзывов. Отнюдь не все экземпляры вернулись в редакцию. Началась цепная реакция размножения этой обжигающей правды.

Медведев свидетельствовал о широком распространении рукописи: «Тысячи экземпляров. Я встречал потом людей из самых различных областей и групп — ученых и даже партийных работников — и был удивлен, что почти все, кого я встречал, читали эту рукопись... Размножение шло разными путями». (Один пример: в новосибирский Академгородок в 1964 г. приехал из Обнинска на работу цитолог Володя Лычев и привез фотопленку рукописи; мы с ним и моей женой Инной сделали две фотокопии).

Несколько слов о том, как состоялась публикация в США. Перевод сделал генетик Майкл Лернер (Michael Lerner, 1910–1977), профессор университета в Беркли. Лернер происходил из русскоязычной колонии в Харбине, юношей уехал учиться в Канаду (Ванкувер) в 1931 г. Там он случайно встретил работавшего у Моргана

генетика-эволюциониста Феодосия Добжанского, который увлек его страстью к генетике. Лернер переехал в США и продолжил образование в университете в Беркли. Затем успешно работал в области популяционной генетики и теории селекции, был избран в Американскую академию наук.

Встретившись с Медведевым в 1965 г. в Чехословакии на симпозиуме в честь 100-летия рождения Менделя, Лернер согласился перевести рукопись, ее ранняя версия уже попала в США. Медведев попросил Лернера официально запросить издательство Академии наук о передаче для перевода давно лежащей там рукописи. Через несколько месяцев ответили отказом. Тогда он Медведев с оказией передал фотопленку дополненного варианта рукописи. Лернер перевел и отредактировал текст. Было ясно, что публикация столь острой книги грозит автору преследованием. Возник трудный моральный выбор. Лернер ещё раз спросил согласие автора. Медведев ответил: книга посвящена памяти выдающихся русских биологов и он верит, что публикация послужит улучшению советской науки и экономики. Во введении Лернер отметил: «История советской генетики в 1937–1964 гг., возможно, самая необычная глава в современной истории науки».

Напечатать в СССР книгу Медведева, даже после публикации в ноябре 1962 года повести Солженицына, не удалось. Идеологи ЦК быстро закрыли потоки правды о репрессиях и их размерах. Уже 7-8 марта 1963 г. об этом было объявлено на встрече руководителей компартии с интеллигенцией. Мол, партия объявила об ошибках и осудила их, уцелевшие осужденные возвращены из лагерей и реабилитированы. После снятия Хрущева в октябре 1964 г. и падения монополии Лысенко, писатель Марк Поповский, автор книг о биологах, врачах и селекционерах, сумел усыпить бдительность цензоров и получить доступ к секретному многотомному следственному «делу 1500», — об аресте и допросах Вавилова. Большой очерк «1000 дней академика Вавилова» неожиданно появился в печати в алма-атинском журнале «Простор» (1966, номер 7 и 8). Извлечения из «дела 1500» документировали как происходило возвышение Лысенко и травля Вавилова. После публикации в журнале «Простор» Поповскому вернули сданную в печать книгу о Вавиллове. Она вышла после эмиграции автора в США в 1983 г., в России в 1991. Сведения о ходе следствия, одиннадцати месяцах жестоких допросов, бредовых обвинениях и о смерти Вавилова от истощения и голода в саратовской тюрьме 26 января 1943 г. цензура не пропускала в печать вплоть до начала 1990-х. Писателю С.Е. Резнику с трудом удалось опубликовать первую биографию Вавилова в 1968 г., но в конце вынужденно осталось лишь аморфное указание — «умер в 1943 г.». Только в вышедшей в 2017 г. самой полной бесцензурной биографии Вавилова, писатель смог рассказать всю правду (Резник 2017). Прекрасно, что предисловие написал Медведев.

Я вновь перечитал книгу Жореса Медведева, она и ныне оставляет сильное впечатление, несмотря на десятилетия со времени написания. Интересно, что одновременно с рукописью Медведева, в научном самиздате распространялись также антилысенковские статьи биолога-эволюциониста, философа и специалиста по биометрии А.А. Любищева. Эти статьи и открытые письма под общим названием «О монополии Лысенко в биологии» он начал писать и распространять с июля 1953,

посылая их в ЦК, научным коллегам и друзьям (Любищев, 1991, 2006; Голубовский, 1990, 1991). Академик И.Е. Тамм, прочитав их написал Любищеву (они были хорошо знакомы с 1919 г., работая в Таврическом университете в Крыму), что нелепость основных положений и алогизм Лысенко для него очевиден, но оставалось неясным, были ли у него в прошлом какие-либо существенные достижения в области агрономии или и этого не было.

В 1964 г. Любищев прочел расширенный вариант рукописи Медведева и написал отзыв:

« Вещь, конечно, превосходная и по эрудиции, и по документальности, и по ясности изложения. Но что для меня всего удивительнее? И я написал о том же предмете около 800 страниц. Вы в основном писали независимо от меня. Общая оценка совершенно совпадает, но мы почти не повторяем друг друга, разбирая разные стороны одного и того же, весьма скабрёзного явления. У Вас гораздо шире в смысле охвата разнообразных сторон биологии, очень много и основательно — чисто юридическая сторона и этический аспект. У меня эти последние стороны затронуты вскользь, но зато есть и критика Мичурина, и изложение так называемого вейсманизма-морганизма, которых у Вас нет» (Любищев, 1991, с.16).

Вавилов и Лысенко

Сложен вопрос о взаимоотношениях Вавилова и Лысенко. Важно рассматривать их отношения в динамике, во времени, в конкретном социально-историческом контексте, различие их психологического профиля и культуры. Здесь возникли и продолжаются дискуссии и разные истолкования (Гончаров, 2017; Колчинский, 2018). Одно из распространенных мнений таково. Во взлете Лысенко во многом виноват сам академик Вавилов, который по ошибке своим авторитетом поддержал обласканного режимом агронома-знахаря и возвысил его на свою беду. Словно в песенке шекспировского шута из «Короля Лира»: «Вскормил кукушку воробей / Бездомного птенца /А тот возьми, да и убей / Приемного отца». Это мнение высказали и аргументировали М. Поповский (1966, 1990) и В.Н. Сойфер (1989, 2019).

Медведев считал такую позицию упрощенной и односторонней. Ибо, до тех пор, пока температурные и световые условия развития растений изучались Лысенко в плане мировой коллекции культурных растений, «его работа могла рассматриваться как весьма полезная и нужная, особенно для ВИРа. Своим позитивным отношением Вавилов не выдвигал, а удерживал Лысенко в рамках кооперативной научной работы» (Медведев, 1993, с.34). Это мнение поддержали другие историки (Левина 1992; Резник, 1992, 2019).

Следует различать два аспекта: 1) яровизация как важная стадия в росте и развитии растений и полезный агроприем; 2) яровизация как способ резкого повышения урожайности сортов злаков. Именно в последнее уверовал и фанатично внедрял Лысенко « на колхозных полях», но без необходимого генетико-

селекционного и статистического изучения. В этом, якобы чудесном и панацейном подъеме урожайности, он сумел убедить власть, когда после коллективизации упал урожай и наступил страшный голод. Согнанным насильно в колхозы крестьянам глава созданного в 1929 г. Наркомзема СССР Я.А. Яковлев приказал внедрять яровизацию по всей стране. Он же в 1931 г. повелел Вавилову, как директору ВИРа, «оказывать всяческое содействие работам Лысенко и взять на себя заботу о них» (Колчинский, 2015). С тех пор сомнения в пользу яровизации приравнивались к отрицанию коллективизации, «социалистического преобразования деревни» и даже к действиям «врагов народа» (Резник, 1992, 2017).

Позитивом Лысенко можно считать модификацию известного ранее агроприема холодного воздействия, изучение и введение его в практику. Термин «яровизация» вошел в международный научный обиход физиологии растений в его переводе (*vernalization*). Но не Лысенко открыл это явление. Оно было известно давно, но оставалось в тени, в запасниках науки. Медведев цитирует ясное изложение приема из книги американского агронома XIX века, знатока пшениц Джона Клиппарта (J. Klippart 1823–1878). В России подобные исследования вели до Лысенко физиолог растений профессор Н.А. Максимов и соратник Вавилова, рано умерший селекционер Г.С. Зайцев.

Другой позитив «раннего Лысенко» — разграничение температурной и световой стадий развития. Это важно в аспекте селекции, ибо в принципе в потомстве от скрещивания двух позднеспелых сортов мог выщепиться и раннеспелый вариант. Авторитетный норвежский историк биологии Ролл-Хансен справедливо заключил, что «ранние работы Лысенко, несмотря на их слабость, которая ретроспективно очевидна, вполне соответствовали стандартам своего времени ... и пользовались признанием даже после того, как взгляды Лысенко на генетику были осмеяны» (Roll-Hansen, 2005).

Прочтя «превосходную повесть» Поповского в журнале «Простор», Любищев в письме к нему 24.11.1966 г. оппонирует мнению автора, что Вавилов с самого начала ошибся. Ведь «ранний Лысенко» вплоть до 1934 г. вовсе не отвергал менделизм и пользовался им сознательно. У Вавилова не было серьезных оснований «разочаровываться в своем протеже: знахарь явно «рос» и усваивал настоящую науку», — аргументирует Любищев.

Однако в конкретных социальных условиях произошло непредвиденное. По мере стремительного роста карьеры у Лысенко столь же стремительно росло самомнение. После избрания с подачи Вавилова академиком АН Украины, а затем в 1935 г. академиком ВАСХНИЛ (безо всяких ученых степеней) в поведении Лысенко произошел «великий перелом». Обуреваемый непомерным честолюбием, нетерпимый к любой критике, он стал создавать новую «мичуринскую биологию», оставив за ее бортом менделизм, гены и хромосомную теорию наследственности. В этой «биологии» туман в мыслях таков, — писал Любищев, — что «многие «биологические законы» Лысенко понять гораздо труднее, чем средневековых мыслителей. Не делается и попыток привести в соответствие со своей теорией богатство фактов, собранных противниками». Но получив в 1935 году от самого Сталина помазание на власть, Лысенко решил больше не церемониться с Вавиловым и генетиками.

Вавилов ошибся не в интеллекте, а в этике Лысенко, полагал Любищев, ибо не мог предвидеть «такой низости и вероломства в человеке, которого он искренне и крепко поддержал, несмотря на явные антикультурные свойства». В подобные ошибки обычно впадают порядочные люди, не склонные к вероломству. Я бы назвал эту случайность рока не ошибкой, а скорее искушением, соблазном, неоправданным упованием. Подобно тому, как вступающие в брачный союз пары не могут предвидеть заранее все извивы взаимной психологии и судьбы, и в конце концов происходит развод. Или подобно искушению профессора Преображенского в попытке цивилизовать Шарикова.

Ошибкой Вавилова, по мнению Любищева, можно считать другое. Гениальный ученый всерьез поверил в научное построение социализма в России и реконструкцию сверху сельского хозяйства на научных основах. С этой сайентистской верой или искушением он создал в 1929 г. иерархическую систему ВАСХНИЛ с десятками институтов и опытных станций по всей стране («Вавилон»). Невиданный ранее государственный патронаж науки в первые 10 лет советской власти совпал с глобальными замыслами Вавилова, Вернадского и других крупных ученых о гармоничном союзе «науки и труда». Они уповали, что так будет всегда. Но «нам не дано предугадать». Скоро советская власть начала не только поощрять и «заказывать музыку», но и вмешиваться в процесс ее создания, вплоть до устранения и убиения неугодных исполнителей (по убеждениям Тараса Бульбы — «я тебя породил, я тебя и убью»). А уж сталинской коллективизации и уничтожения крепкого крестьянства никто не предвидел. После «великого перелома» 1929 года вместо ожидаемого союза демократии и науки стал формироваться уродливый и зловещий гибрид науки и деспотии. Во главе ВАСХНИЛ власти поставили Лысенко, а Вавилов оказался в его унижительном подчинении, неволью став заложником и жертвой.

Свернуть с «дороги на эшафот» не помогло его отчаянное письмо в Наркомат земледелия и ЦК партии, выдержку из которого приводит Медведев: *«Высокое административное положение Т.Д. Лысенко, его нетерпимость, малая культурность приводят к своеобразному внедрению его, для подавляющего большинства знающих эту область, весьма сомнительных идей, близким к уже изжитым наукой (ламаркизм). Пользуясь своим положением т. Лысенко фактически начал расправу со своими идейными противниками»* (Медведев, 1993. с. 106).

1963 год: учебник «Генетика», статья в журнале «Нева» и контекст

В 1957 г. кафедру генетики Ленинградского факультета возглавил профессор Михаил Ефимович Лобашев (он был уволен как менделист-морганист в 1948 г.). Лобашев впервые после лысенковского погрома 1948 г. стал читать курс научной генетики. Каждый год для лекций приглашался Тимофеев-Ресовский. К началу 1963 г. Лобашев и молодые сотрудники кафедры подготовили первый за предыдущие 25 лет отечественный учебник по генетике. Он включал и новые молекулярные данные. Все изложение было проникнуто методологией менделевского генетического анализа. В тексте привлекала живая думающая мысль. В этом

смысле учебник интересен и ныне.

Например, смелым и рискованным для тех лет было описание евгеники как изучение путей, методов и особенностей эволюции человека. Клан Лысенко, начиная с 1930х годов, нарочито и постоянно использовал связку «евгеника-фашизм» для шельмования исследований по антропогенетике и наследственным аномалиям. Нацизм, сказано в учебнике, проповедовал не евгенику, а превосходство одной расы и расовую гигиену как основу для третирования социально неугодных людей.

Аналогично Медведев в своей книге справедливо называл «Русский евгенический журнал», издаваемый в 1920-е годы под эгидой Н.К. Кольцова, одним из первых в мире журналов по генетике человека. В нем, и особенно в исследованиях разгромленного в 1936 году Медико-генетического института, впервые описаны десятки ранее неизвестных наследственных болезней. «Фактическое запрещение В СССР исследований по генетике человека имело очень вредные, еще полностью не учтенные последствия, и прямая ответственность за это лежит на тех «критиках», которые всю генетику человека как науку вульгарно отождествляли с расизмом и фашизмом» (Медведев 1993).

Историк биологии В.В. Бабков (1946–2006) извлек из раритетов библиотек и книжного небытия основные оригинальные статьи в области российского евгенического движения и медицинской генетики периода 1920-х –1930-х гг. и собрал их в одном томе. Этот прекрасно изданный том, с научно-историческими комментариями Бабкова назван «Заря генетики человека» и был переведен в США на английский язык.

Ректор Ленинградского университета академик Александр Данилович Александров спустя 25 лет поведал, как трудно было в начале 1960-х пробивать издание учебника Лобашева (Колчинский, 1994). Городской цензор (горлит) учебник не пропускал. Тогда ректор собрал профессоров биофака и попросил их при всех ситуациях отбросить всякие страхи и колебания и твердо без оговорок держаться позиции: «в учебнике только наука и говорить больше не о чем». Потом он позвонил в обком партии с просьбой разрешить издание учебника, заверив, что «это чистая наука», там нет ничего о положении в советской биологии, а мичуринской биологии отдано должное. В ответ партийный босс предостерегающе спросил: «Вы ручаетесь?». Спустя годы ректор университета, независимо мыслящий, мужественный человек, альпинист, признался: «Тут я почувствовал, как холодное лезвие гильотины коснулось моей шеи. Поэтому я напустил еще металлу в голос и твердо сказал: «Да! Я ручаюсь». Твердая позиция А.Д. Александрова позволила издать учебник в сентябре 1963 г.

На этом драматическом фоне обострение ситуации вызвала статья в журнале «Нева» в марте 1963 г «Перспективы советской генетики». Авторы — Ж. Медведев и известный ленинградский генетик В.С. Кирпичников (его называли «рыцарь науки»). В статье в первых же фразах сказано, что нет никакой «буржуазной генетики», а есть одна мировая генетика. Но «некоторые лица все еще упорно стараются провести резкую границу между советской и мировой наукой, игнорируя все, что делается представителями других научных направлений». Такое могло произойти

только в обстановке извращений в период культа личности. Ясно было, кто это «некоторые». Резонанс на статью был огромный.

Хорошо помню разговор с профессором Лобашевым в апреле 1963 года, когда мы случайно оказались в одном вагоне электрички, едучи из Ленинграда в Петергофский биологический институт (база работ по экспериментальной генетике). Разговорились о подготовке моей дипломной работы. Лобашев высказал свое кредо: в хорошей работе должно быть своего рода золотое сечение: 2/3 идеи и 1/3 метода. Затем я радостно упомянул о вышедшей поразительной статье в «Неве». И неожиданно услышал в ответ: «Да, статья, конечно, верная и хорошая. Но ведь последует ее неминуемое осуждение, лысенковцы активизируются и ситуация в генетике опять ухудшится. Вот я сдал в печать учебник, который столь необходим для всех вузов страны. Выходу учебника активно противодействуют. А после этой статьи шансы выхода в свет учебника уменьшатся. Теперь подумай, что важнее — учебник, по которому будут обучаться генетике в вузах страны или одна статья, ее негативные последствия для издания учебника предсказуемы».

Вот тогда пришлось задуматься о неизбежности и границах компромисса. В каких ситуациях компромисс оправдан и простителен и когда предосудителен? Здесь нет логического решения, все зависит от психологического профиля личности и конкретной обстановки. На весах лежит обычно то, что личность считает для себя в данной ситуации «абсолютом» или абсолютной ценностью. От компромиссов «страдали больше всего те, кто обладая высокой нравственностью, чувством долга и тревожащей совестью, все же вынуждены были писать или произносить слова, антинаучная и вредоносная сущность которых была для них очевидна. Иногда достичь благородных целей можно лишь за счет отказа от своих убеждений, и честный человек, идущий на это, обрекает себя на моральные муки» (Александров, 1993, с.77).

Опасения Лобашева оправдались. Статья в «Неве» дошла до Хрущева, вызвала его гнев и последующие резкие нападки в открытой печати. Особенно злостной была инвектива идеологического погромщика М. Ольшанского, занимавшего пост президента ВАСХНИЛ. Редакция «Невы» затем опубликовала покаянное письмо, признав публикацию «грубой ошибкой», состав редакции перетрясли. А в апреле 1964 г. для проработки Кирпичникова собрали расширенный ученый совет Института рыбного хозяйства, где работал ученый. Туда были приглашены философы и ленинградские генетики и биологи. Профессора В.Я. Александров и Ю.М. Оленов (соавторы известного «письма трехсот» в 1955 г.) твердо выступили в защиту авторов. А профессора М.Е. Лобашев и Ю.И. Полянский (оба были членами партии) пошли на компромисс и произнесли ритуальные слова упрека к некоторым положениям статьи Медведева и Кирпичникова.

И тут неожиданно помогло никем совершенно непредвиденное снятие Хрущева. Всего пять месяцев после этого обсуждения события в генетике развивались совсем как в песне Александра Галича: «Полный братцы ататуй / Панихида с танцами / И приказано статуй / За ночь снять со станции». Во втором издании учебника в 1967 г. Лобашев напомнил: «Выход «Генетики» в 1963 году вызвал наряду с многочисленными положительными откликами и острую критику со стороны лиц, придерживавшихся догматических взглядов в биологии и активно

препятствовавших нормальному развитию биологической науки. Понадобилось более года, чтобы защитить от нападок не только книгу, но и право научной генетики на существование».

В конце книги Медведев размышляет, откуда берутся псевдоученые и псевдонаука. Он полагает, что это неизбежное естественное отклонение в нормальной науке. Оно чаще всего есть следствие излишнего фанатизма, «крайнее проявление нормальных гипотетических построений, это, по существу, резко гипертрофированные и догматизированные гипотезы». (Медведев, 1993. С. 339). Со временем такое отклонение исчезает, если не вмешивается государство. В условиях нормальной демократической обстановки Лысенко, полагает Медведев, «был бы рядовым провинциальным агрономом с элементами фанатизма и обскурантизма, которых много и сейчас в любой стране, но их никто не ставит во главе науки» (Медведев, 1993. С. 342).

Параллели

Я проведу параллель между одновременными и независимыми попытками напечатать книгу Жореса Медведева и повесть Лидии Корнеевны Чуковской «Софья Петровна». Муж Лидии Чуковской (далее Л.К.) гениальный физик Матвей Бронштейн, был арестован в 1937 г. и в 1938-ом расстрелян. «Мы потеряли не просто замечательного ученого, писателя, человека, мы потеряли для страны будущее целой научной области», — сказал о гибели М. Бронштейна нобелевский лауреат физик Жорес Иванович Алферов.

Повесть «Софья Петровна» — уникальное, поразительное художественное запечатление трагедий, пережитых страной и лично автором. «Эта повесть о тридцать седьмом годе, написанная зимой тридцать девятого-сорокового, непосредственно после двухлетнего стояния в тюремных очередях.. я не знаю ни одной повести о тридцать седьмом годе, написанной в прозе здесь и тогда», — совершенно справедливо пишет Л.К. Героиня повести Софья Петровна — простая женщина, она безгранично верит товарищу Сталину. Она вырастила сына Колю, честного комсомольца, который столь же предан партии и товарищу Сталину. И вдруг Колю арестовали, признали врагом народа. Это абсолютно не укладывается в голове матери. Возникает психологическая сшибка, Софья Петровна теряет разум. «Я пыталась изобразить такую степень отравления общества ложью, какая может сравниться только с отравлением армии ядовитыми газами», — сильная метафора! История рукописи «Софья Петровна» граничит с чудом. Повесть была написана от руки в школьной тетрадке. Всего один экземпляр. Хранить тетрадь дома у Л.К.— жены «врага народа» было очень опасно, сжечь повесть она не решалась и отдала тетрадь на хранение другу. А он погиб в блокаде Ленинграда. Однако, тетрадка чудом уцелела, ее передали автору после XX съезда. В том же 1962 г. Л.К. предложила повесть издательству «Советский писатель». На волне борьбы с «культом личности» повесть с энтузиазмом приняли, заключили договор, выплатили часть гонорара. К началу марта 1963 г. уже были готовы макет обложки и рисунки. Но второе чудо — публикация уцелевшей сквозь блокаду повести — увы, не состоялось. Всего-то не хватило одного-двух месяцев. Форточка вдруг закрылась и

все как бы умножилось на минус единицу. «Отказ издательства был для меня настоящим крушением, горем», — признавалась Л.К. Повесть «Софья Петровна», как и рукопись Медведева, распространялась в самиздате, затем была напечатана за рубежом и переведена на многие языки. Но в своей стране Лидия Корнеевна увидела повесть лишь спустя 50 лет после написания. Жорес Александрович Медведев ждал 30 лет. А ведь дорога ложка к обеду...

Соккрытие правды и отравление ложью на протяжении двух-трех поколений не проходят для культурной наследственности общества бесследно. Нарушается связь времен, преемственность в поколениях знаний, культуры и моральных ценностей. Наступает не всегда осознованное одичание. Следует сохранять в памяти, быть признательными к таким мужественным историкам, подвижникам, искателям правды как Жорес Медведев.

Литература

- Александров В.Я.* Трудные годы советской биологии. Записки современника. С. Петербург.: Наука 1993 (текст публиковался ранее в 1987г. в журналах «Знание-сила»).
- Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М.: МИК 2000. 856 с.
- Голубовский М.Д.* Противостояние (К 100-летию со дня рождения А.А. Любищева) // Природа .1990. № 5.
- Голубовский М.Д.* За честь природы фехтовальшик. В кн.: Любищев А.А. В защиту науки. Статьи и письма. Л.: Наука. 1991;
- Голубовский М.Д.* Генетика и призрак Лысенко // Природа. 2015. 6: 81-89.
- Гончаров Н.П.* Николай Иванович Вавилов. Новосибирск. 2017.
- Есаков В.Д.* Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 года // В кн.: Репрессированная наука. Вып. 2. С. Петербург: Наука. 1994. С. 57-75.
- Колчинский Э.И.* Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (Интервью с академиком А.Д. Александровым). В кн.: Репрессированная наука. Вып. 2 С.Петербург.: Наука. 1994. С. 169-175
- Колчинский Э.И.* Т.Д. Лысенко как проект Наркомзема // Историко-биол. исследов. 2015. 2: 81-88.
- Колчинский Э.И.* Пятьдесят лет спустя: размышления над книгами, изданными к 130-летнему юбилею со дня рождения Н.И. Вавилова и накануне 70-летия со дня августовской сессии ВАСХНИЛ // Вопросы истории естеств. и техники. 2018. Т. 39. №3. С. 559-551.
- Левина Е.С.* Беда или вина академика Вавилова? // Природа. 1992, № 8. С. 121-124.
- Любищев. А.А.* В защиту науки. Статьи и письма (ред. М.Д. Голубовский). Л.: Наука. 1991. 295 с.
- Любищев А.А.* О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. М.: Памятники исторической мысли. 2006. 520 с.
- Медведев Ж.А.* Взлет и падение Т. Д. Лысенко. М.: Книга, 1993. 348 с.
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Взлет и падение Лысенко; Кто сумасшедший?. М.: Время. 2012. 360 с.
- Медведев Ж.А.* Опасная профессия // Историко-биол.исследов. 2011. Т. 3. 2: 109-

123.

Медведев Ж. Атомная катастрофа на Урале. М.: Время. 2012. 443 с.

Медведев Ж. «Лысенко выдвинулся на репрессиях против генетиков» // Троицкий вариант. 2018. № 24.

Поповский М. А. Тысяча дней академика Н.И. Вавилова // Простор. № 7-8. 1966.

Поповский М.А. Дело академика Вавилова. М.: Книга. 1991.

Резник С.Е. Снова о Вавиллове и Лысенко // Природа. 1992. № 11.

Резник С.Е. Эта короткая жизнь. Вавилов и его время. М.: Захаров. 2017. 1056 с.

Резник С.Е. Хвала и хула. Вавилов, Лысенко и судьбы генетики в СССР // Троицкий вариант.05.11. 2019.

Россиянов К.О. Сталин как редактор Лысенко. К предыстории августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ // Вопросы философии.1993. 2 : 56-69.

Сойфер В.Н. Власть и наука (История разгрома генетики в СССР). США : Эрмитаж. 1989. 706 с.

Сойфер В.Н. Нарушение морали и процветание шарлатанов в науке // Троицкий вариант. 10.09.2019

Чуковская Л.К. Софья Петровна. М.: Время, 2012. 348 с.

Чуковская Л.К. Прочерк. М.: Время. 2013. 544 с.

Medvedev Zh. The Rise and Fall of T.D. Lysenko. (Transl. I. M. Lerner). NY-London: Columbia Univ. Press, 1969.

Nils Roll-Hansen. The Lysenko Effect. The Politics of Science. N.Y. Humanity Books. 2005